

ГОРОД ПОРОКОВ

ДАВИД БОСС ⚡ АЛЕКСАНДР ЛИ

УБИТЬ ЖЕНЩИНУ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б85

Босс, Давид.

Б85 Убить женщину / Давид Босс, Александр Ли. —
Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Город Пороков.
Книга, ради которой не обязательно убивать).

ISBN 978-5-699-77162-2

Киллер Питер Руфус получил очередной заказ: убить женщину-полицейского Долорес Уайт. Первая попытка оказалась неудачной — Долорес в этот момент провожала в школу сына. А вторая попытка вообще все спутала и заставила наемного убийцу сделать совсем не то, что от него требовали заказчики. Сценарий сломан. Неписанный закон Города Пороков нарушен. Отныне порядок можно восстановить лишь самыми высокими ставками да безумной стрельбой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77162-2

© Босс Д., Ли А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ПРОЩАЙ, МАЛЫШКА

1

Жаркий августовский вечер. Густой дух при- вокзальной забегаловки. Вот уже полчаса я сижу в темном углу, вытянув под столом уставшие ноги. На мне выцветший камуфляж в подсохших пятнах ружейного масла. В кармане — справка о демобилизации, в портмоне — двадцать четыре доллара девяносто пять центов.

В понедельник я буду богачом. Военный пенсионный фонд должен мне сумму с пятью нулями. Но сегодня лишь пятница, и на эти чертовы двадцать пять долларов мне надо как-то дожить до начала недели. Надо есть, пить, ночевать. А еще мне очень хочется отыскать одну хорошую девчонку, которую я не видел с окончания колледжа.

В родном Бейсин-сити меня не было больше двух лет. Все это время я не строил никаких планов на возвращение. На войне лишь круглый дурак может думать о завтрашнем дне. Там главное — выжить, а не думать о будущем.

Я заказываю самую дешевую выпивку, какая тут только есть. Низкорослый тучный бармен на-

ливает мне спиртное с сосредоточенным прищуром, словно это не дрянной джин, а жидкое золото. У него потные руки и бегающие глазки. На войне такие люди, как правило, долго не живут.

— Впервые у нас, парень? — спрашивает бармен и равнодушно придвигает мне стакан.

— За два последних года — да.

— Где служил?

— В джунглях.

— И кроме мартышек, никого там не трахал? — Бармен расплылся в улыбке. — Если хочешь, могу предложить...

— В джунглях мы регулярно пользовали туземок, — отвечаю я вполне доброжелательно, а сам едва сдерживаюсь.

В нашем взводе за такую шутку можно было запросто схлопотать по морде.

Я забираю стакан, возвращаюсь в свой закуток, от нечего делать рассматриваю зал. Лохматые подростки с блестящими от наркотиков глазками, малолетние девки с прозрачными лицами идиотов. За стойкой бара устроилась шумная компания молодых людей, по виду — вокзальных сутенеров. Они орут, перекрикивая друг друга, и, судя по всему, скоро подерутся. Из музыкального автомата льется блюз, томный, как стенания влюбленного кота. Сквозь приоткрытое окно неживым белым цветом вспыхивает реклама: «Церковь Наслаждения — все и сразу в этой жизни!»

Ну что, Саймон Роули, таким ли ты представлял свое возвращение в Бейсин-сити? Или за время, проведенное на войне, ты позабыл атмосферу родного города, где мир извращенных желаний давно уже вышел из тени и даже добро стыдливо маскируется под порок?!

Пока я пью мерзкий джин, в баре появляется странный посетитель — немолодой суровый мужчина в строгом сером костюме, похожий одновременно на банкира и гангстера среднего пошиба. В руках у него светло-коричневый кожаный кейс. Даже издали заметно, что очень тяжелый. В интерьерах дешевой привокзальной забегаловки человек этот выглядит совершенно неуместно — словно генерал в парадном мундире, объявившийся на передовой. Мужчина цепко осматривает зал, бодает меня строгим взглядом и скромно усаживается в закуток за музыкальным автоматом, лицом ко входу. Он явно кого-то ждет. Его мясистое лицо напряжено, правая рука небрежно опущена в карман пиджака.

Я не успеваю как следует рассмотреть странного гостя — ко мне на колени усаживается тощая девица лет четырнадцати. От нее несет дешевой косметикой и прокисшим пивом.

Девица бесцеремонно елозит по моим коленям костистыми ягодицами, чмокает меня в щеку, выдыхает и говорит:

— Солдатик, исстрадался в джунглях? Поехали в мотель, слупишь с меня краску в свое удовольствие!

Я безразлично смахиваю девицу с коленок, однако та ничуть не обижается.

— У меня редкая форма сифилиса, — поясняю я. — Меня даже мартышки в джунглях боялись.

— М-м-м, обожаю экзотику! — Девица хохочет. — Только я все равно лучше мартышки, потому что умею...

Договорить она не успевает. Входная дверь хлопает словно минометный выстрел, и в бар вваливаются двое: крупный мужчина с лысой головой, испещренной мелкими шрамами, и долговязый юноша в светлой куртке. Лысый вопрошительно смотрит на бармена. Тот едва заметно кивает в сторону странного гостя в строгом костюме, сидящего за музыкальным автоматом.

— Боб, это он! — возбужденно орет лысый, и тут в его руках невеста откуда появляется короткоствольный автомат.

Однако мужчина за музыкальным автоматом успевает среагировать первым и тотчас же стреляет через карман пиджака. Долговязый хватается за плечо.

И тут тесное пространство забегаловки вспарывает невероятная мешанина выстрелов, визга, ругани и чмоканья пуль. На какое-то мгновение

я глохну от этой какофонии. Ведь одно дело — стрельба в джунглях и совсем другое — в замкнутом пространстве. Автоматная очередь вдребезги разбивает стеклянную витрину бара и бутылки, стоящие в ней, затем мгновенно прошивает самого бармена — тот даже вскрикнуть не успевает! С тяжким грохотом валится на пол музыкальный автомат, и гул падения отзывается в моем теле крупной вибрацией. Дважды грохочет пистолет, и по звуку выстрела я механически отмечаю, что это, кажется, «Зиг-Зауэр».

Рефлекс самосохранения мгновенно бросает меня под стол, прижимает к полу. Да и зачем геройствовать? Я не знаю ни единого человека в этом баре, и мне некого тут спасать. Да и глупо, наверное, погибнуть от шальной гангстерской пули в первый же день после возвращения домой.

Истерично голосит девица, только что сидевшая у меня на коленях, и тут ее визг словно срезает бритвой. Спустя секунду она уже лежит в метре от меня с простреленной головой. На грязный пол медленно натекает густая липкая лужа, и я инстинктивно отползаю немного назад, чтобы не измазаться.

Стрельба на какую-то секунду смолкает, однако я прекрасно понимаю, что поднимать голову не стоит. Ведь входная дверь пока не хлопнула, незваные гости еще явно находятся тут. А это

значит, что новых выстрелов можно ждать в любую секунду.

Проходит минута, затем еще одна. В баре царит нереально глухая тишина. Лишь слышно, как под потолком с едва различимым ритмичным посвистом вращается вентилятор, и этот механический звук, как ни странно, придает мне уверенности.

Я осторожно поднимаю голову и ползу вперед. В пределах видимости никого нет. Вылезаю из-под стола, осматриваюсь. Перевернутые стулья, битое стекло, стреляные гильзы. Витрина бара изувечена пулями, кассовый аппарат раскурочен, и мелочь мозаикой рассыпана по стойке. На полу огромные лужи крови, которые увеличиваются просто на глазах.

В свое время я не верил, что из человека может вытечь столько крови. Пока не попал на войну.

У входа — труп лысого. Он лежит навзничь, наискосок к входной двери, вместо лица кровавое месиво. Чуть поодаль — тело его спутника. Остекленевшие глаза, алая пена на губах, тускло блестящие зубы.

Я осматриваюсь и нахожу еще три трупа: той самой девицы, бармена и какого-то подростка с серебряной серьгой в ухе. Остальные посетители, наверное, успели удрать через черный ход.

Надо срочно уходить. Тут в любой момент могут появиться копы. За то время, что меня не было в Бейсин-сити, наши полицейские вряд ли изменились к лучшему. Если они застанут меня

тут, то избыют до потери сознания, вложат в руки оружие, а затем вызовут прикормленных репортеров. Наутро все газеты нашего штата выйдут с моей фотографией на первых полосах. А после такого я уже никому ничего не докажу.

Тут мой обострившийся слух улавливает едва различимый стон, доносящийся из-за поваленного музыкального автомата. Тот самый странный мужчина в строгом костюме!.. Нога его перебита автоматной очередью, и через кровавые ошметки мяса видна кость. Вместо пиджака — влажные клочья. Удивительно, он еще жив. Но, видимо, ненадолго. Мужчина хрипит, прижимая руки к развороченному животу. Сквозь его пальцы видны перламутровые кишки. Кожанный кейс, с которым этот человек пришел в бар, валяется чуть поодаль. Удивительно, но на светло-коричневой коже не видно ни единого кровавого пятнышка.

— Солдат, — шепчет он запекшимися губами. — Солдат!.. Я вижу, ты не здешний. Отдай этот кейс Большому Багси. Он живет в Бельвю, дом с колоннадой. Сделай это сегодня же, очень прошу, и Багси не оставит тебя.

2

Безлюдный переулок, несколько ржавых машин, переполненный мусорный бак, пустые глазницы окон, тускло отблескивающие пуленепробиваемыми стеклами. Ночной сумрак наливается

темнотой, непроницаемой и густой, словно запекшаяся кровь.

Где-то совсем рядом истошно орет полицейская сирена. Темень вспарывают тревожные пульсирующие всполохи. Все-таки вовремя я ушел из расстрелянной забегаловки.

Только вот что мне делать с этим кейсом?

Я не знаю, кто и зачем устроил в баре побоище. Я вообще оказался там совершенно случайно. Это была первая попавшаяся забегаловка, которую я заметил на вокзальной площади. Тем более что идти мне в родном городе теперь просто некуда.

А еще я не знаю, кем был мужчина в строгом костюме, умерший сразу после того, как рассказал о Большом Багси. И уж тем более мне неизвестно, кто такой этот Багси и почему я должен отдать ему этот кейс прямо сегодня.

Кейс очень тяжел — фунтов двенадцать как минимум. Он надежно заперт на замочки. Впрочем, если бы даже у меня и были ключи, я вряд ли полез бы внутрь. Не потому что неинтересно. Просто не мое дело. У каждого человека должны быть границы, которые лучше не нарушать. Так проще жить.

Полицейские сирены уже совсем рядом. Надо уходить. Не исключено, что копы захотят прочесать кварталы, прилегающие к бару. Однако появляться на улице с дорогим кейсом не стоит. Ведь даже последнему уличному патрульному

понятно, что человеку, выглядящему так, как я, такая дорогая вещь принадлежать явно не может.

Из мусорного бака торчит рваный пакет. Это лучше, чем вообще ничего. Я вываливаю из пакета какой-то мусор, оборачиваю кейс шуршащим пластиком. Стоянка такси, если ничего в этом районе не изменилось, находится в двух кварталах отсюда.

Мне везет. Я не успеваю выйти из переуллка, как рядом останавливается желтый лимузин.

— Куда поедем, парень? — спрашивает таксист, приоткрыв дверку.

— Бельвю. Дом с колоннадой. Знаешь такой? Даже в полутьме салона видно, как сереет лицо водителя.

— Ты ничего не напутал? Тебе точно надо туда?

Я плюхаюсь на продавленное сиденье позади таксиста и спрашиваю:

— А почему тебя это так пугает?

Всю дорогу до Бельвю водитель молчит. Неужели в доме с колоннадой меня ждет что-нибудь пострашней, чем стрельба в привокзальной забегаловке?

3

Огромный зал с дубовыми балками, темными панелями и кованой бронзой. Все пять боковых окон наглухо задернуты тяжелыми портьерами.

Я стою в полутемном кабинете у массивного письменного стола. Возле него красуется старинное кресло с высокой резной спинкой, напоминающее трон. В кресле расположился высокий седой мужчина в темном френче, с неестественно голубыми глазами на непроницаемом оливковом лице. Этот человек одновременно напоминает мне и дьявола, и аббата.

Насколько я понимаю, это и есть тот самый Большой Багси. Хотя мне уже известно, что в доме с колоннадой живет мистер Стенли Мюррей. По крайней мере, так написано на табличке, прикрепленной у входной двери. Но кто он такой и почему его адрес вызвал у таксиста столь явный страх?! Магистр тайного ордена? Теневой хозяин штата? Колдун вуду?

Мой рассказ о событиях в привокзальном баре Стенли Мюррей выслушивает абсолютно спокойно. По выражению его лица я так и не понимаю, одобряет он меня или же осуждает.

— Тот человек попросил меня доставить это сюда, сэр. — Я вытаскиваю из мусорного пакета кейс, ставлю на стол.

Мужчина в кресле-троне молчит.

Я смотрю на него немного растерянно и спрашиваю:

— Я могу идти, сэр?

— Иди, — произносит Большой Багси негромким скрипучим голосом. — Хотя нет. За-

держись на пару минут, сынок. Как тебя зовут?.. Саймон Роули? У меня к тебе несколько вопросов, Саймон. Так ты, как я понял, из нашего города? Из Бейсин-сити?

— Да, сэр.

— Демобилизовался из армии?

— Я служил в морской пехоте, сэр.

— Почему же ты, сойдя с поезда, не отправился домой, а пошел в какую-то забегаловку самого дешевого пошиба?

— У меня больше нет тут своего дома, сэр.

— Вот как? И почему же?

— Мои родители погибли в авиакатастрофе в год, когда я закончил колледж. Дом за долги забрал банк. У меня не оставалось иного выбора, как завербоваться в армию.

Мистер Мюррей внимательно осматривает мои руки — темные, твердые, с вьевшейся металлической пылью и пороховой гарью.

— Воевал?

— Так точно, сэр!

— Зачем ты все-таки привез мне этот кейс? Ведь мог оставить его себе, никто бы ничего не узнал.

— Тот мужчина в сером костюме просил перед смертью отдать его именно вам, сэр. А последняя воля умирающего священна даже у дикарей.

Большой Багси молчит, его непроницаемое оливковое лицо не выражает абсолютно никаких